

СОЛОВЕЦКИЙ ЛОКУС КАК ПРОСТРАНСТВО СТОЛКНОВЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНО-МОДЕРНИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ И МИФОПОЭТИЧНОЙ ПРИРОДЫ ОСТРОВА

Интересной представляется мысль о постижении общих смыслов через локальное пространство, в котором ценностно-смысловое напряжение проявилось с особой силой. В статье рассматривается проблематика соловецкого локуса сквозь призму противоречия рационального, модернистского, научного дискурса управления, плана, контроля, организации и религиозно-духовного, мифопоэтического дискурса загадки, тайны, неопределенности.

Ключевые слова: Соловецкие острова, УСЛОН, исправительный лагерь, советская наука управления, локус, топос, лабиринт, П.А. Флоренский.

Одно из интересных направлений российской гуманитарной мысли связано с исследованием разного рода хронотопов, локусов, топосов – неких образов культуры, семиотических единиц, локализованных в отдельном пространственно-временном континууме, или «локально организованных смыслообразующих пространствах и сопряженных с ними способах и формах существования логоса, то есть способах развертывания конкретного смысла» [Прокофьева, Пыхтина, 2009, С. 62]. Задача исследователя заключается в эксплицировании символов, приоткрывающих на уровне «человек-пространство-культура», которые существуют в нем в свернутом или, по-хайдеггеровски, – безмолвном виде, с целью дать им возможность явить себя, быть проговоренными, то есть осмысленными. Наиболее ярким примером такого рода исследований является «Петербургский текст» В.Н. Топорова, задающий огромное поле возможностей для изучения петербургской мифологии в частности и всей отечественной культуры в целом. Петербургский текст породил аналогичные формы декодировки микротопонимов – московский, уральский, калужский, томский и иные тексты. Настоящая статья обращена к пространству Соловецкого архипелага Белого моря, загадочному, призрачно-зыбкому месту развертывания разного рода смыслов, в котором «сконцентрировались и отлились в образы вековые духовно-моральные и социокультурные искания русского народа» [Чистов, Бернштам, 1992. С. 4].

Архипелаг играет в отечественном мифопоэтическом и историко-культурном сознании особую роль: 1) как промежуточный путь между миром живых и мертвых, на который отправлялись древние люди для похорон умерших, оставив нам лабиринты и дольмены, 2) как святая обитель, место духовного спасения вдали от греховной «Большой земли», 3) как «проклятое место» свершения наказания (монастырская тюрьма, советский лагерь). Архипелаг представляется как место столкновения противоположных сил, как противоречие суши и моря, светского и церковного, временного и вечного, святого и грешного. На протяжении всей своей истории на архипелаге происходили события, отразившиеся на истории гораздо больших пространств. Острова, словно сакральное место, развертывали на своих пространствах особую историю. Не стала исключением и советская эпоха; именно на Соловках реализовался грандиозный проект по организации пенитенциарной системы нового типа – первый «остров» будущего «архипелага ГУЛАГ». Событие это символично и недаром оно служит объектом осмысления и художественного переживания в отечественной литературе. Отсюда, цель настоящей работы – рассмотреть, каким образом воплощался на Соловках советский эксперимент по научной организации труда, как формировалась управленческая парадигма в недрах Управления соловецкого лагеря особого назначения (далее – УСЛОН), пытаясь связать воедино рационально-теоретические идеи управленческой науки и мифопоэтическое понимание этого сакрального места.

Итак, в связи с реализацией в советской России грандиозного модернистского проекта созидания общества, основанного на строго научных, рациональных началах (государственно-мобилизационная модель развития), в центре внимания советских ученых находились вопросы научной организации и культуры труда. Ленин писал: «Задача управления государством, которая выдвинулась теперь на первый план перед Советской властью, представляет еще ту особенность, что речь идет теперь – и, пожалуй, впервые в новейшей истории цивилизованных народов – о таком управлении, когда преимущественное значение

ние приобретает не политика, а экономика» [Ленин, 1974, С. 516], в связи с чем советские теоретики направили свои усилия на изучение условий максимального повышения производительности труда, где ими были достигнуты интересные результаты. Так, например, Керженцев представил принципы рационального использования работников, где выделил главный из них – «принцип экономии», то есть получение максимального эффекта при минимальных затратах человеческой энергии и материальных средств. Также он исследовал роль дисциплины и ответственности, учета и контроля в организации труда. Его коллега Ерманский анализировал «принцип оптимума», заключающийся в том, что организаторы производства должны предоставлять создать такие условия, в которых достигается максимальная энергоемкость, то есть затраты наименьшего количества энергии (человеческой или технической) для производства единицы продукции. Принцип «административной емкости» как способности руководить определенным кругом лиц (то есть, по сути, речь шла о «потолке компетентности» руководителя) был рассмотрен Дунаевским. В рамках «организационной механики», Жданов выделяет такие принципы управленческой деятельности как дифференцирование трудящихся, формулирование перед отделениями, отделами, службами и всем предприятием в целом четких и точно сформулированных целей. Жданов защищал принцип индивидуального руководства и персональной ответственности, и отстаивал идею, что коллегиальное управление необходимо для «широкого охвата», учета и осмыслиения разных обстоятельств с разных сторон. В противном случае единая воля может свестись к «самодурству», к абсолютизации единоличной власти. Ученые определили также функции управления, главной из которых полагалась функция руководства, координирующая и увязывающая воедино все остальные функции.

Итак, теоретических наработок в советской науке управления хватало, необходимо было внедрить их в практику. Соловки казались оптимальным местом для выработки стратегии использования методов принуждения и стимулирования труда в отношении свободных граждан и заключенных. Островное

положение, удаленность от центра, закрытость, позволили на некоторое время избавить этот экспериментальный полигон от постороннего контроля («Здесь власть не советская, а соловецкая»). В прежние времена Соловецкий монастырь славился умелой организацией и управлением хозяйства. При монастыре были созданы и успешно функционировали солеварни, кузница, судоремонтный, кожевенный, кирпичный, известково-алебастровый, гончарный, лесопильный, смолокуренный, салотопный заводы, мельница, карбасная, канатная, санная, корзино-экипажная, слесарная, столярная, переплетная, сапожная, портняжная, свечная мастерские, типография, иконописная мастерская, и многое-многое другое. По воспоминаниям паломников XIX века монастырь славился не столько своими богословами, сколько крепким хозяйством, в монахи шли простые мужики, крестьяне, которые умели работать руками, а не дворяне, от которых не было утилитарной пользы. В новых условиях советской власти потребовались новые формы организации хозяйства. Одной из главных задач эксплуатационно-производственного отдела экономической части ее начальник Френкель обозначил как «разработку методов и способов продуктивности работ при организации их на рациональных началах» [Доклад, 1927].

С целью усиления «рациональных начал» в управлении возникла необходимость в создании единого организующе-планирующего центра – Организационного бюро, в задачи которого входил анализ данных и контроль за выполнением действий преимущественно экономического блока. По данному поводу в журнале «Соловецкие острова» (печатное издание УСЛОН), № 11-12 за 1924 год вышла статья Вадима Струкгофа, в которой автор рассмотрел основные положения применения организационных принципов в области функционирования хозяйственно-административного аппарата.

Автор выделил три основных понятия организационной работы: 1) цели, 2) средства, 3) применение средств. Цель, отмечает Струкгоф, будучи первоочередной, является в то же время «понятием относительным». Цель направляет общую работу учреждения, но все имеющиеся цели должны быть согласованы.

ны и оценены с точки зрения целесообразности по отношению к основной цели (общее предупреждение преступлений со стороны неустойчивых элементов общества, предупреждение дальнейших посягательств преступника и исправительно-трудовое воздействие на заключенного) (ст. 2 ИТК РСФСР, утв. Постановлением ВЦИК от 16.10.1924), а затем координированы между собой. Далее, при установлении какой-либо цели, подлежащей достижению, необходимо предварительно всесторонне учесть располагаемые средства для ее осуществления, что нередко является определяющим моментом. Под средством в организационном смысле автор понимает все те элементы, независимо от их вида и территории, которые фигурируют при достижении поставленных целей. После этого необходимо оценить средства с точки зрения возможности применения для достижения данной цели.

Следовательно, для успешного достижения учреждением данных ему задачий, необходимо: 1) проверять каждую поставленную цель, 2) проверять наличие имеющихся для нее средств, 3) соответствующим образом применять наличные средства для достижения целей.

Как видно, первые два момента определяются, исходя из всей совокупности работы учреждения, третий же момент, правда, ограничивается в значительной степени той отдельной областью, о которой идет речь, но все же он может получить соответствующее осуществление лишь при тесном согласовании с общим ходом работы.

Эта проверка целесообразности и учет средств при осуществлении какого-либо мероприятия, а также дальнейшая корректировка и являются содержанием организационной работы. Автор пишет: «организовать работу – сделать ее органической, то есть распределить определенные функции по соответствующим органам, находящимся в надлежащем взаимодействии между собой и согласованным в достижении общей цели» [Струкгоф, 1924, С. 38].

Перейдя к исследованию принципов организационной работы к соловецким условиям, автор отмечает, что работа УСЛОН распадается на целый ряд

отраслей, по содержанию и виду своему весьма разнообразных, однако, все виды деятельности Управления и его органов могут быть сведены, с точки зрения поставленных ими целей к двум группам: 1) по обслуживанию лагерей, 2) по эксплуатации лагерей.

Организационный принцип разделения работы лагерей необходимо привести в жизнь, так как отнесение той или иной отрасли (в целом или частично) к одной из указанных групп, является одним из решающих моментов для ее оценки, и возможности того или иного ее осуществления. Автор призывает помнить, что критерии для оценки мероприятий того и другого рода зачастую не совпадают, а потому разграничение этих двух основных целей в работе УСЛОН должно быть определенным.

Каждая отрасль оценивается с количественной и качественной точек зрения, далее устанавливаются и определяются располагаемые в данной области средства, им дается сравнительная оценка, устанавливаются способы и методы их использования. Подводя итог, автор констатирует отсутствие специального организационного аппарата, с одной стороны, и преемственное продолжение бывших монастырских предприятий с дальнейшим расширением их на основании самодовлеющих технико-производственных соображений, с другой стороны, что заставило его усомниться в наличии строгого организационного планового принципа в строительстве Соловецкого хозяйства. В завершении статьи автор выражает надежду, что фактом образования организационного бюро указанный пробел должен быть восполнен, что даст «несомненные благоприятные результаты» [Струкгоф, 1924, С. 39].

В итоге на практике были реализованы некоторые рациональные формы воздействия: введены дифференцированные шкалы питания (например, премирование за ударный труд кондитерскими изделиями (отсюда выражение «Молодец, возьми с полки пирожок»), проведение разного рода социалистических соревнований и субботников, применение системы сдельной работы, предоставление разных льгот по режиму отбывания наказания (например, свидание

вне надзора), представление к досрочному освобождению, и даже такая чужеродная советской идеологии капиталистическая по сути практика как дифференцированная, сдельная оплата труда. Однако, указанные формы остались до конца нереализованными, научная организация, рациональный подход остались в большей степени лишь лозунгами. Системный принцип так и не был сформирован, огромный механизм Управления по-прежнему руководился посредством вмешательства личности, то есть через субъективные факторы. Широко применялись издевательства над заключенными, в том числе выкрикивание революционных лозунгов в течение длительного времени (что можно расценивать как извращение политико-воспитательной работы), или бессмысленный труд, например, перенос воды из одной проруби в другую.

Соловки выступили как одна из первых попыток советской власти по организации плановой «перековки» личности и стали одним из первых полигонов государства по организации новых форм социального бытия, но, как это было и ранее, особый, мифопоэтический, духовно-напряженный локус этого места искал стройные рациональные планы передовой отечественной науки. В философии отца Павла Флоренского, бывшего на Соловках узником, большое значение имела проблематика пространства, занимаясь которой, он выступая против его классического, ньютоновского понимания как однородной, гомогенной всегда и везде постоянной среды в пользу своего рода неоплатоническому, иерархическому представлению о разных уровнях пространств, разных уровнях бытийной организации. Так вот, остров, по мнению о. Флоренского как раз представлял собой то место, в котором пространство выступало как некое синергичное состояние, или (используя более привычную для русскую философию категорию) как состояние хаосмоса, противящееся сверх-рационализации и сверх-упорядочиванию. Призрачность, нереальность Соловков (само название острова, по одной из версий, происходит от термина «соловый», то есть бледный, мутный, невыразительный), их случайность, нередко поднимается в письмах мыслителя: «Первое ощущение от Соловков – хаос, людской и природ-

ный,...здесь природа, несмотря на виды, которые нельзя не назвать красивыми и своеобразными, меня отталкивает: море—не море, а что-то либо грязно белое, либо черно-серое, камни все принесенные ледниками, горки, собственно холмы, наносные, из ледникового мусора, вообще все не коренное, а попавшее извне, включая сюда и людей. Эта случайность пейзажа, когда ее понимаешь, угнетает, словно находишься в засоренной комнате. Так же и люди; все соприкосновения с людьми случайны, поверхностны и не определяются какими либо глубокими внутренними мотивами. Как кристаллические породы, из которых состоят валуны, интересны сами по себе, но становятся неинтересными в своей оторванности от коренных месторождений, так и здесь люди, сами по себе значительные и в среднем гораздо значительнее, чем живущие на свободе, неинтересны именно потому, что принесены со стороны, сегодня здесь, а завтра окажутся в другом месте» [Флоренский, 1998, С. 522]. Пространство острова балансирует на грани реальности, переходя в сон, призрачность: «...все какое-то здесь пустое, как будто во сне и даже не вполне уверен, что это действительно есть, а не видится как сновидение [Флоренский, 1998, С. 312]. Под стать природе и животные острова, лишенные собственной определенности, качественности. Например, чайки, которые «неистово кричат..., то по гусиному, то по утиному, то по курячому, то по индошачьему, то по павлиному. Кто-то мне говорил, или читал я, что у чаек нет своих собственных криков и что они подражают звукам, которых наслышались. По видимому это так» [Флоренский, 1998, С. 462]. А вообще, помимо этих подражательных звуков, других здесь нет: «Здесь нет звуков, это царство безмолвия», — констатирует автор.

Еще одними из знаков-символов острова выступают многочисленные лабиринты, дошедшие с древних времен. Лабиринт — это тоже знак запутанности, потерянности, переплетения путей-ходов, в котором нет единого выхода, движение в котором превращается в бесконечное движение по кругу. Или же миражи: «По утрам на западе, от севера до юга, над морем бывают видны с удивительной отчетливостью крутые утесистые берега, покрытые снегом, фиорды

и, будто, здания... Представляющееся зрелище так живо и четко, что трудно поверить его призрачности и только когда оно разсеется и видишь одно только море, то убеждаешься в миражном происхождении картин этих высоких северных берегов» [Флоренский, 1998, С. 462].

Итак, говоря об истории, интересным представляется рассмотрение «локальных» историй, отдельных мест, тех самых «пространств», в которых бытийная полнота выразилась с особой силой. Среди таких особых мест, отразившихся в коллективном бесознательном российского народа, мы выделили Соловки, в истории которых, по мнению академика Д.С. Лихачева, можно считать «исторически значительным все, что так или иначе отразилось в русском историческом процессе и что в свою очередь восприняло ведущие тенденции этого процесса, выразило собой эпоху и ее культуру» [Лихачев, 1980, С. 41]. Трагические события первой половины XX века трансформировали привычное понимание этого острова как места духовной святости. Если ранее острова ассоциировались с монашеской обителью – местом преображения человеческой души и окружающего мира, то на новом, модернистском этапе, насильственно, обитель была превращена в лагерь особого назначения, а позже в специальную тюрьму. На смену духовному, личностно-интимному отношению монаха и монастыря, человека и суровой соловецкой природы, твари и Создателя, пришло новое, техническое, определенное отношение на уровне надзиратель-зэка. Советская наука управления исчерпала свое гуманистическое содержание и, пережив взлет в двадцатых годах, вскоре была оставлена. Пережив эксперимент, был закрыт лагерь, а позже и тюрьма. А затем была закрыта ба-

за военно-морского флота. Загадочный архипелаг по-прежнему ставит перед нами вечные вопросы о жизни, судьбе, времени.

Библиографический список

1. Доклад о деятельности Управления Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ за 1926/1927 операционный год. Государственный архив Российской Федерации, фонд Р-9414. Оп. 1. Д. 2918.
2. Ленин В. И., Полное собрание сочинений. Том 36. Март-июль 1918. –Изд-во политической литературы, М., 1974. –741 с.
3. Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. – М., 1980. – С. 41.
4. Прокофьева В. Ю. Анализ художественного текста в аспекте его пространственных характеристик/В. Ю. Прокофьева, Ю. Г. Пыхтина. – Оренбург, 2009. – 99 с.
5. Струкгоф В. Соловецкие острова» (печатное издание УСЛОН), № 11-12 за 1924.
6. Флоренский П. А., Сочинения. В 4 т. Т 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. – М.: Мысль, 1998. – 795, [1] с., 1 л. портр. – (Филос. наследие).
7. Чистов К. Н., Бернштам Т. А. Введение // Русский Север: Историко-этнографический сборник. – СПб., 1992. – 270 с.

M. V. Kulikov

FKOU VO Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

SOLOVETSKY LOCUS AS A SPACE OF COLLISION BETWEEN THE RATIONAL-MODERNIST MANAGEMENT PARADIGM AND THE MYTHOPOETIC NATURE OF THE ISLAND

The idea of comprehension of general meanings through the local space, in which the value-semantic tension manifested itself with particular force, seems interesting. The article deals with the problems of the Solovetsky locus through the prism of the contradiction between the rational, modernist, scientific discourse of management, plan, control, organization and the religious-spiritual, mythopoetic discourse of mystery, mystery, uncertainty.

Key words: Solovetsky Islands, USLON, correctional camp, Soviet management science, locus, topos, labyrinth, P.A., Florensky.